

Восьмиструнный самурай

Лариса АЛЕКСЕЕНКО

На первый взгляд — тихоня и типичный ботаник. Но когда речь заходит о принципах, он непреклонен. Пола Голбрайта называют не совсем типичным гитаристом. И гитара у него не совсем типичная, скорее напоминающая виолончель с восемью струнами.

Впервые необычный гитарист приехал на гастроли в Москву. Явление — культурное и историческое. Культурное — уровень его профессионализма признан во всем мире, музыкант даже выдвигался на премию Grammy. Историческое — гитара, в принципе, довольно молодой инструмент, продолжающий свою эволюцию под воздействием ярких личностей. Пол Голбрайт находится в эпицентре этого процесса.

— **Ваше биография — уникальное географическое путешествие...**

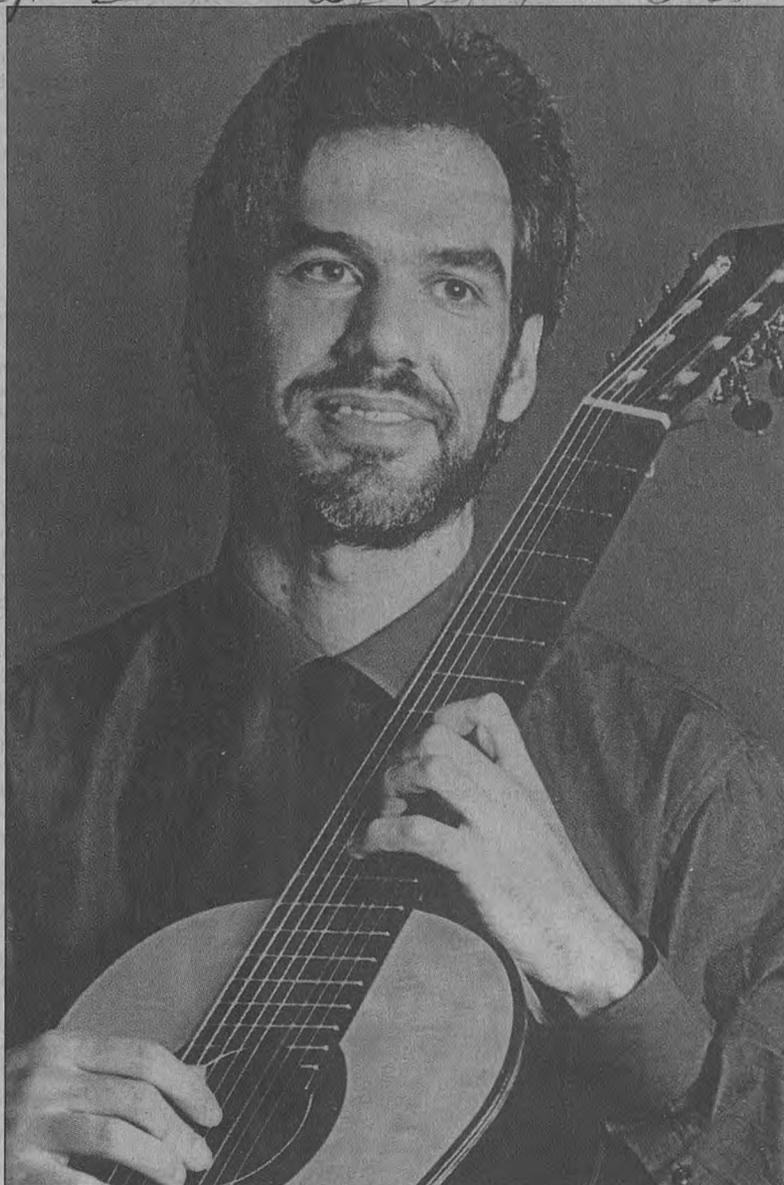
— Я живу в Сан-Паулу. Ощущаю себя человеком мира. Наверное, это наследственное. Мой отец не засиживался на одном месте более трех лет. Кстати, он и приучил меня слушать и любить хорошую музыку. В пять лет благодаря ему я начал слушать Рихтера и сам учиться игре на фортепиано. Но моя пианистическая карьера не сложилась. Видимо, в тот момент, когда происходит становление музыканта, очень важно присутствие рядом хорошего педагога. А с учителями мне не повезло. И стимула не было. А гитара, напротив, не только была в радость, как часть семейного музицирования, но и ежедневным стимулом. Мой старший брат неплохо играл и даже писал рок-песни. Меня этот жанр не увлек, нравилась классика. Поэтому между нами нередко вспыхивали споры, как мы их называли «жанровые».

— **Сейчас уже не спорите?**

— Нет. Более того, мы работаем вместе. Он мой звукорежиссер. Как записал мой первый альбом, так и продолжает.

— **Как дальше развивались события вашей жизни?**

— В четырнадцать лет я покинул семью и уехал в Манчестер, для серьезных занятий гитарой. Хотя я был не только очень молодым, но и довольно болезненным человеком — а Манчестер один из самых депрессивных городов на свете, там всегда дождь, — я ни разу не пожалел о своем решении. Именно там я сложился как гитарист. Через три года выиграл конкурс, который проводил выдающийся Андрес Сеговия. Весь музыкальный мир тогда узнал о новом музыканте, тем более, узла Сеговия говорит: «Это — замечательный гитарист» — звучит, как лучшее напутствие. А после церемонии maestro подошел ко мне со словами: «Я должен тебе две вещи сказать по секрету». Я — весь внимание — думаю, мне сейчас сообщат что-то очень важное, без чего моя карьера может не сложиться, и вдруг слышу: «Никогда в жизни не делай двух вещей: не топай

ногой так сильно и не настраивай гитару так громко!».

— **Что же произошло после конкурса? Вы срочно начали изобретать себе новый инструмент?**

— Тогда я понял, что мне нужно еще очень много работать. Чем и начал заниматься в течение десяти лет. А инструмент я начал, как вы выразились, изобретать, потому что чувствовал, что не могу реализовать все свои музыкальные идеи, чувствовал свое несовершенство. Десять лет упорно репетировал, практически не показывался на концертах. Лишь однажды сделал исключение: в 1989 году выступил на Эдинбургском фестивале. Тогда все увидели одно из моих главных изменений: посадку с инструментом.

— **А почему вы держите гитару, как виолончель?**

— При такой посадке я получил полную свободу действий. Не нужно было

поддерживать гитару, обе руки свободны! К такой посадке я пришел не сразу. Сначала у гитары не было штгяра, и ее приходилось поддерживать при помощи коленей. Потом был изобретен инструмент для меня.

— **У него восемь струн, он похож на виолончель. Долго экспериментировали?**

— Да. Но ради того, чтобы играть любимые произведения из фортепианного репертуара на любимом инструменте, можно было пойти на любые эксперименты. Долго не удавалось добиться нужного результата. Но однажды во время гастролей в Италии один из моих приятелей предложил добавить еще пару струн. Поначалу я подумал, что это невозможно — это утяжеляло бы инструмент, и у двух этих струн было бы другое натяжение. А играть на струнах с разным натяжением невозможно. Но эта мысль не давала мне покоя, и, приехав в Англию, я по-

звонил Дэвиду Рубио — самому известному в то время гитарному мастеру и рассказал о своей идее. Рубио думал месяц, потом перезвонил и рассказал о своем решении. Как и все гениальное, оно было простым: нужны были струны разной длины. Мастер сделал для меня три инструмента. Гитара дала мне возможность самореализоваться.

— **Жена и дочь всегда сопровождают вас во время гастролей или Москва — особый город?**

— Мне очень хотелось показать им Россию. После Москвы мы отправимся в Санкт-Петербург. Можно сказать, что большого концертного тура по Европе не планировал. Просто специально приехал посмотреть Россию.

— **Говорят, у вас во время этой поездки были потери?**

— Да, потерял сумку. К счастью, не с концертным костюмом. Однажды была утеряна одна из моих уникальных гитар. Я очень горевал. Потом подумал, играть на ней вряд ли кто сможет. Этот процесс требует определенных навыков. И научить вряд ли кто сможет. Она она такая во всем мире существует, к счастью, ее удалось найти.

— **В свободное от музыки время, чем занимаетесь?**

— В этом смысле, я человек для вас абсолютно неинтересный. Кроме музыки, я не занимаюсь ничем. Может, у меня еще все впереди? Еще могу сказать, что очень неприспособлен. Самое важное — чтобы было место для работы. Келья для художника, который мог бы творить, не мешая другим и избегая чужого вмешательства в свою профессиональную жизнь. Если я путешествую с семьей, я всегда прошу организаторов концерта позаботиться о дополнительном номере для репетиций. Мне идут навстречу, я репетирую не меньше шести часов в день.

— **Ваш альбом с исполнением баховских сюит был номинирован на Grammy. Но заветная статуэтка досталась Шэрон Иеби.**

— Наверное, должна была эту премию получить американка.

— **Вы когда-нибудь отменяли свои концерты?**

— Нет. Правда, однажды я был болен и вместо 8 струн видел 16, поэтому отыграл первое отделение, а второе все-таки пришлось отменить.

— **Много лет назад Сеговия дал вам неплохие советы. Что сегодня вы можете посоветовать музыкантам?**

— Я же не Сеговия. Но тем не менее хочу сказать, молодости очень свойствен напор, желание саморекламироваться. Все играют в очень быстрых темпах, технично, громко, виртуозно. Это хорошо, но не это в музыке главное. Много репетируя, можно довести исполнение до автоматизма, а это опасно. Можно забыть о чувстве и мысли, которые и составляют суть каждого произведения.